

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения
по Танскому Китаю)

Часть III

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

каторжные работы заменялись осужденному на более легкое наказание, если выяснялось, что он был единственным кормильцем в семье. Каторжные работы заменялись наказанием большими палками: 120 ударов за один год и по 20 ударов за каждые последующие полгода /I, с. 63/.

Материал, содержащийся в кодексе династии Тан, свидетельствует о том, что закон предоставлял главе семьи право распоряжаться судьбами младших ее членов, любое семейное дело осуществлялось с его ведома, в случае совершения кем-либо из членов семьи преступления, не влекшего за собой уголовной ответственности, он мог вынести ему свой приговор и определить меру наказания. Только жизнью своих домочадцев глава семьи не мог распоряжаться, хотя и здесь закон учитывал его авторитет и моральное право.

Статьи кодекса, регулирующие внутрисемейные экономические отношения, преследовали одну цель - юридическое закрепление семьи как единой экономической системы. Этому способствовал принцип общесемейной собственности, несение общесемейной ответственности "вань цзо", право укрывательства преступлений, совершенных родственниками.

Семья - первичная единица любой социальной организации - имела в средневековом Китае особое значение. Соблюдение авторитета главы семьи и принципа разделения ее членов на поколения обеспечивало естественный переход возрастных различий в социальные, закрепленные законодательно.

-
1. Тан луй шу и (Кодекс династии Тан). Изд. Цуншу цзичэн. Шанхай, 1936-1939.
 2. Древнекитайская философия. I. М., 1972.
 3. Е.И.Кычанов. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Прозветание. ЛО ИВ АН, 1980. (рукопись).
 4. Ch'ü T'ung-tsu. Law & Society in Traditional China. Paris, 1961.

Е.И.Кычанов

ЗАКОН ТАН О БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ ЛЮДЕЙ

Похищение людей было преступлением двойного рода. Это было преступление против личности, в том случае, когда дело шло о похищении лично свободного человека, и оно было разновидностью хи-

щения имущества, когда объектом похищения был человек лично не-свободный. Похищение человека с целью его продажи было преступлением, прежде всего характерным для докапиталистических формаций, когда существовала собственность на людей. Кодексом "Тан люй шу и" похищение человека определялось как разработка плана, способа похищения и захват человека. "Несогласие [на увод] считается похищением". Если ребенок в возрасте 10 лет и младше даже выражал согласие на его увод, то это тоже считалось похищением, ибо ребенок до 10 лет не являлся в данном случае лицом дееспособным. Похищение человека и продажа похищенного в рабство карались удавлением, превращение похищенного в буцуй - ссылкой на 3 тыс.ли.

Похищение женщины и взятие ее в жены или наложницы, похищение детей и принятие их в свою семью в качестве детей или внуков каралось тремя годами каторги. В случае ранения или убийства похищаемого, виновный наказывался как за причинение ранения или убийство человека при ограблении. Если попытка похищения не удалась, но похищаемый был ранен, похититель подлежал удавлению.

Если похищение не состоялось и похищаемому не было причинено ранение, это квалифицировалось как неудавшаяся попытка ограбления, при этом, если было установлено, что целью похищения было сделать похищенного рабом, виновный наказывался двумя годами каторги, а если похищенного хотели превратить в буцуй, то полутора годами каторги. Таким образом, в случае ранения или убийства похищаемого, при попытке похищения, похищение человека, независимо от его социального положения (лично свободный или нет) трактовалось танским правом как ограбление, т.е. хищение имущества с применением насилия. В этом отчетливо проявляется двойственная природа квалификации похищения человека старым китайским правом, с одной стороны, как преступления против личности, с другой как хищения имущества.

Закон предусматривал случаи не только грубого похищения силой, но и средствами введения похищаемого в заблуждение, соблазнение его чем-либо (хэ сю). В таких ситуациях налицо было согласие похищаемого, хотя и данное по неведению. Если похищение человека было совершено с согласия похищаемого, введенного похитителем в заблуждение, мера наказания похитителю уменьшалась на одну степень. Превращение похищенного в раба каралось ссылкой на 3 тыс.ли, в буцуй - тремя годами каторжных работ.

Как преступление, близкое к похищению, квалифицировалась и продажа одного человека другим с их взаимного согласия (хэ тун сянь май). Особенностью наказаний за такие преступления являлось то, что не делалось различия между продавцом и проданным лицом, не

выявлялся главарь и пособник (исключение - когда несколько человек сообща продавали другого) и наказание виновным было одинаковым - ссылка на 2 тыс.ли. Если продажа не состоялась, мера наказания уменьшалась на одну степень (3 года каторги).

Похищение буцой с целью продажи его в рабство каралось ссылкой на 3 тыс.ли. (цз. 20, с. 6а-9а). Такая мера наказания за похищение буцой, человека лично несвободного, но более высокого социального положения, чем раб, еще позволяет видеть в квалификации этого преступления элементы преступления против личности. Похищение же чужого раба уже прямо приравнивалось к ограблению, а увод его путем соблазна - к тайной краже. Наказание за похищение - ссылка на 3 тыс.ли, плюс возмещение стоимости раба в двукратном размере. Кроме того, похититель отвечал за хищение одежды раба и других его вещей, именованных "отдельно взятыми рабом в дорогу вещами", "нуби бе цзи цай у" (цз. 20, с. 10б-11а). К продаже раба с его согласия приравнивалась поимка беглого раба, невозвращение его и продажа (цз. 20, с. 9а-10б).

Покупатель, знавший, что покупает похищенного или соблазненного человека, человека, согласившегося, чтобы его продали, похищенного или соблазненного раба или буцой, получал наказание меньшее на одну степень, чем продавец. Знание того, что перед ним похищенный человек, делало покупателя соучастником преступления. Поэтому если покупатель знал, что перед ним похищенный продавцом лично свободный человек, которого продают в рабство, и все же покупал его, то продавец подлежал удавлению, а покупатель ссылался на 3 тыс.ли. Мера ответственности покупателя возрастала в том случае, если он знал, что покупает кровного родственника, продаваемого другим кровным родственником. Однако фактически это не означало увеличения наказания. Связано это было с тем, что меры наказания деду, бабушке, родителям за продажу детей или внуков были значительно ниже, чем меры наказания за похищение постороннего человека. Например, если дед продавал внука в рабство, такое преступление приравнивалось к убийству в драке, и наказанием деду было полтора года каторги. Покупателю, если он знал, кто и кого продает, мера наказания увеличивалась на одну степень и равнялась двум годам каторжных работ.

Во всех случаях, если покупатели знали, что продаваемый похищен или соблазнен, при перепродажах все они, сколько бы их ни было, не освобождались от наказания. Более того, покупатель нес ответственность за такую покупку, даже если он узнал о том, кого купил, после совершения акта купли-продажи.

Бороться с продажей похищенных людей была обязана администрация рынков, специализировавшихся на продаже людей. Долгом чиновников было установить, что продаваемый потомственный раб, а не лично свободный похищенный или соблазненный человек.

Мера наказания покупателю уменьшалась на три степени, если он, зная, что купил похищенную женщину, женился на ней или делал ее своей наложницей, что также являлось формой вступления в брак (цз. 20, с. I46-I4a).

Лица, знавшие о продаже похищенного или соблазненного человека и получившие долю из дохода от продажи, наказывались, как получившие долю из краденого имущества в зависимости от ее величины, только мера наказания уменьшалась на одну степень, поскольку, как сказано в кодексе, такие лица "первоначально не имели одинакового [с похитителями] умысла" (цз. 20, с. I4a-I46).

Тот, кто по ошибке счел лично свободного человека за раба, наказывался каторжными работами на срок в 2 года, а ошибочно признавший лично свободного человека за буцую, - полутора годами каторги. Тот, кто ошибочно счел буцую за раба, - получал 100 толстых палок (цз. 26, с. 96).

Детальная разработанность мер уголовной ответственности за похищение людей и покупку похищенных - свидетельство того, что для танского Китая это были жизненно необходимые меры борьбы с явлением довольно распространенным. Торговля рабами была поставлена под государственный контроль, однако нарушениями ее законных форм были случаи продажи на рынке людей нерабского социального положения, похищенных (в том числе и при таких массовых захватах людей, как пиратство), соблазненных путем обмана и, наконец, продаваемых своими родственниками. Мы не знаем доли рабского труда в экономике Тан, но можно полагать, что она была не столь уж незначительна. Казенное ремесло практически все базировалось на рабском труде и труде людей, лично несвободных, чей статус был близок рабскому. Труд лично несвободных людей использовался и в казенном сельском хозяйстве. Рабы трудились в хозяйствах танских бюрократов и аристократов, в зажиточных хозяйствах простолюдинов-байсин. Существенна была доля рабского труда и труда других лично несвободных людей в поддержании в порядке городских стен и других оборонительных сооружений больших городов и пограничных крепостей. Рабский труд широко применялся в службе.

Безусловно, основную массу производителей при Тан составляли крестьяне, дававшие стране зерно, овощи, фрукты, шелк, хлопок, коноплю. Такова была особенность Китая, что, работая определенное число дней в году на государство по трудовой повинности (продол-

жительность работы зависела от величины надела) земледельцы – нун обеспечивали и общественные работы государства не только на местном, но и более широком уровне. Частные ремесло и торговля также были в руках лично свободных людей: простолюдинов (байсин) – гун (ремесленников) и шан (торговцев), плативших налоги работающим по трудовой повинности. Однако существовала особая группа лично несвободных-ремесленников гун, которая обслуживала казну. Но если рабский труд (имея в виду и близкие ему формы труда других категорий цзяньжэнь, лично несвободных людей) не обеспечивал основ богатства страны, то, как нам представляется, судя по материалам кодекса Тан, деление людей на лично свободных и лично несвободных было гораздо более значимым не только в правовом мышлении, но и в общественном сознании вообще. При династии Тан бытовали те формы личной несвободы, которые, вероятно, отчасти сложились еще до ее воцарения, и которые позже просуществовали до гибели Сун. Рабство, появившись во II тыс. до н.э., просуществовало в Китае до начала XX века. Многообразие сословий лично несвободных людей менялось с веками, исчезали одни и возникали другие сословия, и, по-видимому, не только менялась терминология, менялось существо многообразных социальных групп, образовывавших класс лично несвободных людей старого китайского общества. Династия Сун была эпохой переломной в двух отношениях. С одной стороны, завершился процесс исчезновения громадного класса лично несвободных людей, состоявшего из множества социальных групп со своим правовым статусом. Осталось лишь рабство, но оно отступило на задний план, даже получая временные мощные импульсы извне, каковыми были монгольское и, позже, маньчжурское завоевание. С другой, кончился гигантский и важный процесс расслоения простолюдинов-земледельцев на крестьян-собственников земли и крестьян-арендаторов, лишенных земли, нередко связанных с арендуемой землей настолько, что они вместе с ней переходили от одного землевладельца к другому. Растут поместья и на полюсе накопления богатств и эксплуатации чужого труда складывается класс помещиков, чью землю вместо бывших рабов и буцой, начинают обрабатывать по преимуществу, а потом и только крестьяне-арендаторы. Традиционный Китай принял тот социальный облик, который в существе своем имел до знакомства европейцев с Китаем и до середины XX в. когда аграрные реформы, проведенные в КНР, уничтожили и помещиков, и крестьян-арендаторов. Мы с достаточным основанием называем старый Китай помещиков и крестьян-арендаторов феодальным. Каким же был Китай до появления класса помещиков и крестьян-арендаторов, например, при династии Тан в III-X вв.? Ответить на такой вопрос совсем непросто. К сожалению, и

характер китайских источников таков, что они не дают достаточно материала для решения этой важной проблемы, которая волнует как китайских историков, так и историков Китая за его пределами. Старые китайские кодексы сохранили то, что не попало на страницы династийных историй, не нашло полного отражения и в другой китайской литературе. Поэтому так важно изучение зафиксированной в них социальной стратификации общества, тех явлений, которые, будучи признаны правовым сознанием общества и действующим материальным правом как действия преступные, разрушали сложившийся социальный порядок. Борьба с похищениями людей как раз одно из таких явлений. Похищение людей лично свободных и продажа их в рабство нарушали основы существующего порядка, один из центральных принципов традиционного китайского права: "гэ цун бэнь сэ" – "каждый следует своему исконному социальному статусу". Свободный должен был оставаться свободным, а раб – рабом. Поэтому – то похищение лично свободного человека каралось столь сурово, что это было преступление не просто против данной конкретной личности, это был подрыв основ существующего строя. Похищение же раба или другого лично несвободного человека было кражей имущества рабовладельца, как правило, представителя господствующего класса, или ограблением казны, государства как рабовладельца особого рода, что, уж, тем более, при той роли, которую играло государство в традиционном Китае, было актом преступным, непосредственным покушением на интересы господствующего класса и его наивысшего представителя – монарха.

Источник

1. Гу Тан луй шу и, изд. "Сы бу цун кань". Шанхай, 1923.

В.М.Рыбаков

ФУНКЦИЯ, СТАТУС И ПЕРСОНА В ТАНСКОМ ПРАВОВОМ МЫШЛЕНИИ

В данной статье на материале "Тан луй шу и", касающемся различных аспектов правозащитности чиновников, предпринимается попытка рассмотреть ценностное соотношение функции человека, его статуса и его персоны, как они понимались в танском праве.

Статья "Десять зол" кодекса дает перечень преступлений, считавшихся наиболее нетерпимыми. Не за все указанные в этом перечне преступления полагалась смертная казнь, но наказание за них всегда сопровождалось разжалованием, которое, даже при смертной казни,